

Л. Дж. Олсон
(Университет Колорадо)

В. Головин Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе. – Аво: Akad. Univ. Press, 2000. – 451 с.*

В связи с тем, что в советское время существовала практика отделения фольклора, который воспринимался либо как только текст, либо только как музыка, от его содержания, исследования фольклорных жанров в то время сводились к анализу содержания или формальным характеристикам. Данное исследование является примером наилучшего научного подхода к этой теме в постсоветское время и представляет собой совершенно отличающийся взгляд на этот жанр. Результатом исследования является интересный анализ того, какую роль играет фольклорная колыбельная в русской традиционной аграрной культуре, чем от нее отличается литературная колыбельная и что она черпает из ее фольклорного двойника.

В этой работе авторский подход близок к структурному и семиотическому анализу. Головин рассматривает фольклор как систему, которая отражает и воздействует на законы культуры традиционного общества. Предшествующие исследователи колыбельной подчеркивали ее «утилитарную, повседневную» функцию (т. е. усыпление младенца), поэтому превозносили значение ее поэтического строя или сводили его содержание в основном, к «бесмысленности» или простому отражению крестьянской жизни. Головин, напротив, считает, что колыбельная играет главную роль в том, что он называет формированием ребенка как «Homo Traditionalis», используя термин Вебера. Колыбельная не только помогает ребенку заснуть, но и заключает его в мир традиционной культуры. Вместо того, чтобы сосредоточить свое внимание целиком на поэтическом строе песенного текста, Головин рассмат-

---

* Рецензия опубликована в «Slavic Review» (2002. Vol. 61, № 3. P. 658-659). Перевод выполнен Н. А. Костровой.

ривает роль каждого аспекта колыбельной в контексте традиционной культуры: ее мелодию; как, кем и кому она поется; ее ритмическую структуру, поэтику, фонетику, мотивы и формулы, образы и мифологических героев. Поскольку Головин рассматривает этот жанр во всем богатстве его связей с традицией, его труд не только привлекает внимание, но и вносит свой вклад во вновь зарождающуюся область исследования в русской фольклористике и этнографии: изучение традиционных приемов включения ребенка в русскую традиционную культуру.

Головин убедительно доказывает, что колыбельная имеет ритуальный смысл, поскольку она поется в «переходное время» (т. е. во время смены дня и ночи, светлого и темного времени суток, бодрствования и сна) и человеку, который находится в состоянии перехода (т. е. в традиционном представлении младенец еще не сформировался, «не представляет еще собой личность»). Такое переходное состояние традиционно является временем, связанным с большой опасностью так же, как и временем, когда чьи-либо действия могут повлиять на будущее человека. Таким образом, колыбельная, наряду с эпистемологическими и снотворными, имеет и охранительные и прогностические функции. Это главное переосмысление роли колыбельной позволяет Головину объяснить некоторые вызывающие большое недоумение аспекты жанра. Они включают в себя пугающие мотивы с демонологическими героями и ссылки в некоторых песнях на наказание и смерть ребенка.

Например, во многих колыбельных упоминается такой опасный и страшный герой? как «Бука», который пугает ребенка своим внешним видом. Головин показывает связь плача младенца в традиции с влиянием «чужих», и на самом деле пугание ребенка изгоняет причину его плача – «чужих». Более того, хотя на практике кажется, что мотив пугания ребенка, на первый взгляд, портит желаемый эффект от песни (спокойный сон ребенка), Головин предполагает, что подобная практика не обязательно плоха. Ребенок испытывает страх в ситуации максимальной защиты, находясь в «своем» пространстве – колыбели и слушая песню опекающего его человека. Ощущение страха смягчается не только ситуацией, но и формальными характеристиками песни. Удовлетворительными являются объяснения Головина этого и других запутанных элементов колыбельной, поскольку он подходит к этому явлению с разных сторон.

Раздел, который Головин посвятил литературной колыбельной, является первым исследованием этого, до сих пор продуктивного, литературного жанра. Рассматривая типы литературных колыбельных XIX и XX вв., Головин особо отмечает то, чем литературная колыбельная отличается от фольклорной. Пропасть, отделяющая фольклорный жанр, целью которого является трансляция традиции, от литературного, с его акцентом на эстетику, можно проследить на примере колыбельной Анны Ахматовой, в которой есть фраза «Было горе, будет горе / Горю нет конца». Подобное утверждение было бы невозможно в фольклорной колыбельной: из-за его прогностической функции, оно вероятно имело бы «роковое воздействие на адресата».

В заключительной главе исследование Головина завершается анализом «фольклорных» приемов в популярных колыбельных Лермонтова и Майкова. Многие исследования традиционной культуры не представляют, вероятно, большого интереса для культурологов из-за неуклонно ослабевающего влияния этой культуры на современное общество. А поскольку исследование Головина освещает аспект русской культуры, который до сих пор дорог сердцу каждого русского, слушавшего и поющего колыбельные, убаюкивавшего ребенка, оно может многое рассказать о некоторых глубинных подсознательных убеждениях, наполняющих русскую культуру. Это важное и широкое исследование фольклорного и литературного жанров должно представлять интерес для всех тех, кто изучает русскую культуру.